

Ирина Дзюбак

**Наша
Риммочка**

Ирина Дзюбак

Наша Риммочка

<https://litres.ru/72024853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не каждый ребёнок верит в себя.

Не каждый решается выйти на сцену.

Но иногда достаточно одного человека, чтобы всё изменилось.

Эта книга — о детях, которые боялись, сомневались, прятались... и об учительнице, сумевшей зажечь в них свет.

О школьной сцене, где рождаются не просто выступления — а судьбы.

Смогут ли они сделать шаг вперёд? И как далеко ведёт дорога, освещённая верой и добротой?

Ирина Дзюбак

Наша Риммочка

У поселков, сел, городов, как и у людей, своя неповторимая биография, свой причудливый узор судьбы. Мы рождены здесь, в этом суровом северном краю земли, и, куда бы ни забросили нас ветры перемен, душа неизменно рвется в объятия воспоминаний о детстве. Среди живописных артерий Верхнебуреинского района горные реки, словно живые вены земли, пульсируют мощностью, искрятся первозданной красотой и омывают все вокруг духовной чистотой.

Первым, кто заметил это место для поселения на берегу своенравной реки Тырма (чье имя, словно шепот колдуньи, переводится как "ведьма"), был старовер Дмитрий Караванов, богатый крестьянин из Холустая. Возвел он дом добротный, надворные постройки справные, лавку открыл, торговлю повел – оружием, порохом, спиртом, привлекая кочевые племена эвенков и якутов. У них скупал пушнину мягкую, рыбу серебристую, ягоду спелую, грибы лесные. Все это зимой, на санях, запряженных десятком крепких коней, дважды за сезон отправлял в Благовещенск, где товар сбывал, дикоросы в рестораны сдавал.

Жил в достатке, туземцев обдирали, не стеснясь. Нанимал работников, нещадно эксплуатировал, за что и поплатился

от руки одного из батраков. Не стерпел мужик унижений, оскорблений от купца-кровопийцы.

Вдоль берегов вырастали небольшие хутора, каждый – со своим именем, со своей историей, уходящей корнями в фамилии первопоселенцев.

В 1930 году в эти районы ворвалась коллективизация с ликвидацией кулачества, сметая все на своем пути. Около десятка семей – были раскулачены, в одночасье лишившись всего. В эти же годы над тайгой зазвенели топоры, закипела работа по строительству поселка Тирма, чья судьба оказалась неразрывно связана с изыскательскими работами в районе будущей трассы БАМа. Здесь, в недрах земли, обнаружили уголь – черное золото, таившее в себе тепло и энергию. Так началась его история, история будущего пристанища железнодорожников, поселка, которому было суждено стать частью великой, но трагической стройки.

Первый БАМ, как известно, возводился потом и кровью сталинских заключенных. Тирма быстро превратилась в узловую железнодорожную станцию.

В 1945 году, после оглушительной победы над Японией, к ним присоединились и японские военнопленные. Началось строительство деревянных двухэтажных бараков. В рабочем поселке, где бурлила стройка железной дороги, росли новые предприятия, комбинаты, нужно было обеспечить рабочих дешевым и быстрым жильем. Строились они, как временное пристанище.

Но в стране нет ничего более постоянного, чем временное. Поэтому бараки стоят до сих пор, дожили до нашей цифровой эпохи.

Никто и никогда в те далекие времена не называл эти дома бараками. Дом на улице Октябрьской, дом на улице Первомайской – звучало теплее.

В послевоенные годы в поселке зарождается свой, неповторимый архитектурный стиль. Вдоль дворов вытягиваются двухэтажные дома, словно кружевом оплетены резными деталями, окна обрамлены наличниками и ставнями. Наличники будто живые – русалки- берегини, диковинные птицы с оперением из солнечных лучей, гривастые львы-собаки, охраняющие покой обитателей. Балкон – непременно открытый, с ажурной деревянной решеткой. Здесь достаточно места и для неспешного чаепития, и для сушки белья, и для душевных бесед с соседями.

В поселке не сыскать двух одинаковых балконов – каждый уникален: то роскошный, с витиеватыми узорами, то скромный, но исполненный достоинства, то маленький, уютный, то просторный, словно палуба корабля. И до сих пор теплится в душе вера, что это чудо деревянного зодчества – дело рук сталинских заключенных, вложивших частичку своей израненной души в каждую деталь, в каждый завиток резьбы, чтобы хоть немного скрасить суровую реальность.

Бытовые неудобства? Да, они были, как неизбежные спутники того времени. По современным меркам, в таких домах

всё плохо: деревянные перекрытия, дранка на стенах, открытая проводка, отсутствие воды. Детвора таскала воду домой из уличных колонок, нараспев приговаривая: «Колонка, колонка, дай воды напиться...». Десятилитровые ведра казались неподъемными. Присев на корточки, водрузишь коромысло с ведрами на одно плечо, оттолкнешься ногами, выпрямишься, стараясь не выпячивать спину, и перекинешь ношу на другое плечо. Устроишь коромысло поудобнее и пойдешь, вышагивая с грацией, будто несешь не воду, а корону.

Дрова – еще одна святая обязанность. Наполнишь ванну дровами доверху и скатишь её с горки, и помчится она, громяхая, до самого подъезда. Две голландские печи, громадные и важные, не просто пожирали дрова, а давали тепло, словно драгоценность, отчаянно сражаясь с морозами, что порой достигали лютых минус пятидесяти пяти!

Туалет – один на восемь квартир ледяной зимой, сколоченный из грубых досок, стоял на улице, обдуваемый всеми ветрами. Ни туалетной бумаги, ни мыла, ни полотенце для рук там не водилось. И каждый в поселке знал ассенизатора – дядю Пиццу, человека незаменимого, честно выполнявшего свою нелегкую работу и пользовавшегося всеобщим уважением.

Но главным сокровищем был двор. Не парковка, не стриженный газон, а настоящий, живой двор. Все знали друг друга: соседей, друзей соседей, знакомых друзей и даже дальних

родственников. Это был двор совместных дней рождений, когда столы выносились на улицу, и целыми домами отмечали праздники. Двор, видевший свадьбы и похороны, проводы в армию и радостные встречи новорожденных. Здесь жили дружно, открыто, ничего нельзя было скрыть.

Бывало, откроется окно, и пьяный сосед, обуянный незапойной яростью, начнет швырять из окна домашнюю утварь. И снизу раздавались дружные крики: «Эй, Петя, давай, лови обратно свою кастрюлю!». И Петя, словно очнувшись, успокаивался, закрывал окно и засыпал.

Жили одним двором. В трудную минуту приходили на помощь всем миром. Во дворе всегда находилось место для стола и лавочек, где рубились в домино, играли в карты и лото. Многочасовые шахматные баталии вызывали бурные дебаты.

А у нас за домом была спортивная площадка с непременной штангой. И мамин брат, дядя Миша, устраивал настоящие представления, на которые собирался весь двор, сбегались дети с соседних улиц.

Начиналось всё с жима двух рук в стойке — 165 килограммов при его-то семидесяти!

— Ну что, смотреть будете? — подмигивал он, и во дворе сразу становилось тихо.

Кто-то ахал, кто-то не верил, а мальчишки тянули шеи, стараясь ничего не пропустить.

А мама — хрупкая, тонкая женщина — тоже подходила к

штанге и поднимала её спокойно, без усилия, будто это было самым обычным делом.

Потом выносили стол, на него ставили стул, и дядя Миша поднимал этот стул зубами, вместе с изящно восседающей на нем женщиной, выше своей головы! А мальчишкам показывал комплекс упражнений, учил, как правильно поднимать штангу. Они не отходили от него ни на шаг, ловя каждое слово. Почти каждый вечер во дворе звучала музыка. Гитара, балалайка... а мой отец играл на мандолине — и тогда собирались все. Танцевали фокстрот, вальс, смеялись, показывали какие-то номера... Куда всё это потом подевалось? Жили двором... единой семьей.

Мы жили в большой трёхкомнатной квартире с длинным коридором и двумя кладовками. Одна, словно ледяная пещера, служила холодильником, где мы с Сашей, младшим братом мамы, крадучись лакомились замороженным молоком, снимая с него хрустящие ледяные сливки.

Из одной из комнат выход на балкон, а оттуда — в палисадник, где летом пестрели и благоухали разноцветные астры. Просторный балкон создан для неспешных чаепитий и душевных бесед, он был тихим островком, где рождались самые светлые мечты.

Не все в поселке было радужно. Во многих семьях царил зеленый змий, забирая в плен и мужа, и жену. Школа для таких родителей — блажь, пустая трата времени. Зачем учиться, когда поселковый работяга зарабатывает больше учителя.

ля? Жизнь большинства семей – беспросветный круг: работа, семья, огороды...

А где-то там, за дымкой горизонта, рождались реактивные самолеты, бороздили небеса грозные ракеты, здесь же, в этой глуши, люди коротали свои серые дни в покосившихся избах, лишённые элементарных удобств, словно забытые и богом, и цивилизацией.

Порой меня обжигало страхом: а что, если это и есть моя судьба? Стать подобием отца и матери, воплощением незыблемой чистоты и уверенности, честно вгрызаться в эту землю корнями, пустить здесь свои ростки.

И только школа, словно хрустальный ключ, отпирала потайную дверь в манящий, неизведанный мир, где пульсировала цивилизация, где рождалась новая, захватывающая жизнь. Новый мир ковался прямо в школьных стенах. Едва сменив уличные сандалии на школьные, облачившись в форму, я словно преображалась. Речь становилась складной, манеры утончались, будто грубый камень попадал в умелые руки шлифовальщика-учителя.

В 50-70-х годах, по распределению, молодые специалисты устремились на Дальний Восток, после окончания института, чтобы вдохнуть жизнь в умирающие поселки, как наша Тырма. Молодая учительница Галина Семеновна вспоминала: «Когда ехала, даже не знала толком названия поселка, объясняла в поезде всем: "Еду в Тырлу"». И вот, прибыв на место, увидела на въезде вековую лиственницу, а на ней,

словно зарубцованное временем клеймо, вырезано название – Тирма. Что зажигало сердца этих юных учительниц, почти девочек и заставляло их оставаться в этом богом забытом краю, вдали от родительского тепла и уюта?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.